

Александра Окатова Юлия Романова
Иван Белогорохов Вадим Громов Саша Кругосветов

Пять уникальных писателей



**Александра Окатова
Юлия Романова
Саша Кругосветов
Иван Белогорохов
Вадим Громов**

Пять уникальных писателей (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9065084

Сборник «Пять уникальных писателей»: Продюсерский центр Александра Гриценко; Москва; 2015

ISBN 978-5-906784-02-5

Аннотация

Произведения, включенные в сборник, объединяет одна общая черта: несомненный талант их создателей. Здесь представлены разные направления современной прозы: от фантастики и фэнтези до психологического рассказа. Книга адресована широкому кругу читателей, по-настоящему любящих литературу.

Содержание

Александра Окатова	5
Демон-хранитель	6
Юлия Романова	23
«Цветы для Алисы»	24
1	24
2	24
3	26
4	27
5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Александра Окатова, Юлия
Романова, Иван Белогорохов,
Вадим Громов, Саша Кругосветов
Пять уникальных писателей (сборник)**

© А. Окатова, 2015

© Ю. Романова, 2015

© И. Белогорохов, 2015

© В. Громов, 2015

© Саша Кругосветов, 2015

© Продюсерский центр Александра Гриценко, 2015

© Интернациональный Союз писателей, 2015

Александра Окатова



Я окончила Институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии с красным дипломом. Работала в Производственном картосоставительском объединении «Картография»: составителем географических карт, редактором, начальником отдела. С 1996 по 2005 год была главным редактором частного издательства «Дизайн. Информация. Картография». С моим участием вышли в свет научные и учебные атласы: «Атлас мира. Европа», «Историко-культурный Атлас Коми», «Историко-культурный Атлас Бурятии», школьные географические атласы, «Большой Атлас России». В 2006 году резко поменяла жизнь: вступила в Творческое объединение современных художников.

Пишу рассказы, похожие на сказки, и сказки, похожие на рассказы, с лёгким привкусом философии, люблю смаковать чувства.

В 2013 году вышли мои книги: «Недоступная принцесса. Сказки для мужа» и «Принц на горошине. Сказки для любовника», сборник стихов «Опавшие листья». В 2014 году после окончания Высших литературных курсов им. И. А. Бунина выпускники, и я в том числе, издали сборник рассказов «Шахерезады +». И ура! Меня приняли в Союз писателей России и кандидатом в члены Интернационального союза писателей.

В 2014 году в серии «Современники и классики» вышла моя книга «Дом на границе миров», а три моих рассказа вошли в сборник МТА-5, и я стала победителем Первого альтернативного международного конкурса «Новое имя в фантастике» в номинации «Фаворит».

Демон-хранитель

Он – молодой, года двадцать четыре, ей – сорок восемь. У неё длинные белокурые волосы, у него – короткий тёмный ёжик. У неё ясные серые, у него – пронзительные чёрные глаза. Она – скромница с явным комплексом отличницы, перфекционистка из перфекционисток, а он – пофигист, хулиган, сквернослов, выпивоха, гулёна и нахал, она – чувствительная и нежная, он – язва и терпеть не может сюси-пусы.

Она обняла его правой рукой за шею, левая у неё была занята, как всегда как у всех женщин, сумкой. Странно, но больше всего её смущало не то, что она стоит посреди тёмного безлюдного парка и обнимает молодого человека моложе себя в два раза, с которым даже ещё не познакомилась, а смущало её именно то, что она по глупой привычке не бросила эту дурацкую сумку и не обняла его обеими руками покрепче, а просто держала в левой проклятую сумку и молча стояла рядом с ним, обнимая за шею одной рукой.

Тогда Даша и представить не могла, что через несколько дней уже будет работать у Господа Бога, в дальнейшем именуемого Г. Б., сценаристом, как она попала на эту работу – отдельная история, она даже на кастинг сценаристов, точнее, собеседование с Богом ходила, прошла все тесты и даже написала пробный сценарий. Богу понравилось. Он вообще-то странный, это Даша замечала, даже когда на него ещё не работала, он такие сценарии воплощал, что, казалось, какой-то тупой сценарист один и тот же сценарий для всех пишет; теперь-то, работая на Г. Б., Даша знает, что там большая группа и пишут разное, в меру своих способностей: разные сценарии для одних и тех же людей, а выбирает, который воплотить, именно Бог, и чувство юмора, или иронии, или сарказма у него, конечно, странное, ведь в жизни случается именно то, что, казалось бы, нарочно не придумаешь или, наоборот, самое банальное, как будто он страдает полным отсутствием фантазии.

Даша по жизни часто встречала такие сценарии. Или вот иногда ты боишься чего-нибудь особенно сильно, так кажется, Бог слышит твои мысли и нарочно сделает так, как ты больше всего не хочешь, чтобы было. По самому худшему варианту, как нарочно, как будто услышал, а может, и правда услышал, что ему стоит, но никогда не получается, чтобы было по самому благоприятному раскладу, ну точно, значит, слышит, вредный старик! Даша думала, что тупые сценаристы нарочно пишут для неё и других людей такую ерунду, а Бог сидит себе на облаке и выбирает нарочно самый дурацкий сценарий, чтобы посмотреть: ну, как ты теперь будешь выкручиваться, вот тогда-то Даша и взбунтовалась. Не захотела участвовать в этом фарсе. Она думала, что Г. Б. не узнает об этом, но на этот раз всё оказалось не так, как она думала, и, похоже, не совсем так, как думал он, а это ещё вопрос, может, у Бога вообще склероз или его маразм замучил и ему было решительно наплевать и на Дашу, и на её бунт?

Осенним вечером взбунтовавшаяся Даша, а бунт выражался в том, что она перестала мысленно вести с Богом непрерывный внутренний диалог, который вела лет с четырнадцати, и строптиво молчала с ним, пошла вечером в парк неподалёку от её новостройки. Парк был достаточно дикий, чтобы доставить Даше удовольствие. Народу не было. Дашу это успокаивало.

Чёрные стволы деревьев, жёлтая и красная листва, отражающаяся в холодных, гладких, как чёрное отработанное моторное масло, прудах, навели Дашу на грустные размышления о бренности бытия, в чём Даша ощущала особенную хрупкую и трагическую красоту, которая сильнее проникала в сердце, когда была слишком близка, слишком похожа на смерть, а близость смерти всегда придавала существованию красок, на пороге смерти ярче чувствуешь жизнь, это Даша знала давно. Даша нашла скамейку на берегу пруда и только устроилась,

как с другой стороны подсел молодой человек. Она, занятая своими невесёлыми мыслями, не обратила на него внимания.

– А давайте я угощу вас горячим кофе, – вдруг сказал он.

Ничего больше, чем чашечку горячего кофе, Даша в этот момент не хотела и с интересом посмотрела на молодого человека. Куда он её пригласит? От кофе Даша решила не отказываться.

Она кивнула и посмотрела по сторонам: в парке никого, кроме них, не было. Небо было ярко-синим. Солнце село полчаса назад, но в воздухе была растворена толика закатного красного света.

Даша с удивлением увидела, что на скамейке между ними возникла большая шахматная доска, на ней были два пластиковых стаканчика с дымящимся густым чёрным кофе, вместо старших фигур расставлены в правильном порядке шоколадные и песочные печенюшки и шоколадные конфеты типа «Осенний вальс» и «Вечерний звон» с цельными орехами на верхушке в золотой и серебряной фольге вместо пешек соответственно.

– Вам со сливками? – спросил он.

– С коньяком, – улыбнулась Даша.

– Ваш ход, – сказал юноша.

Она пошла пешкой-конфетой на е4.

– Лучший из ходов! – одобрил молодой человек и поставил свою на d5, Даша автоматически съела подставленную пешку и отхлебнула кофе, вечер нравился ей всё больше. Следующие фигуры исчезали с доски в хорошем темпе, миттельшпиль выигрывала Даша и сыто улыбалась. Её противник тоже получал удовольствие от игры. Кофе в её пластиковом стаканчике не кончался и не остывал, но Даша не замечала этого. Эндшпиль.

– Поздравляю, – сказал молодой человек, – вы выиграли!

На Дашиных глазах шахматная доска растаяла.

Молодой человек поглядел ей в зрачки и спросил:

– Ну что, полегчало? Хотите, я вас обниму? – открыто спросил он.

– Хочу! Хочу!! Хочу!!! – сказала Даша, едва контролируя свою речь.

– Ой-ой-ой, – усмехнулся он, подошёл к Даше, она осталась сидеть, только подняла голову, он взял её за руки, сумка мешает, промелькнуло в её голове, и мягко потянул Дашу вверх, она встала, и оказалось, что на каблуках она немного ниже незнакомца, она ощутила своё быющее в сумасшедшем темпе сердце не на предназначенном ему анатомией месте, а в горле и обняла его правой рукой, так и не бросив сумку, да чёрт с ней, с этой сумкой, она наконец отшвырнула её и обняла его обеими руками. Она парила в воздухе, а не стояла на берегу заросшего пруда, а вокруг них текли, кипели, закручивались вихрями струи воздуха, и листья кружились, летели вверх по спирали, а он и она поднимались всё выше, она чувствовала холод и аромат осеннего горького вечернего воздуха на своих губах, и ей нестерпимо захотелось, чтобы этот холод сменился теплом его губ. Он как будто услышал её желание и взял Дашино лицо в ладони так уютно, словно его кисти созданы, чтобы держать её лицо, и раскрыл её губы так, будто он, а не она умрёт, если не утолит свою жажду, если не напьётся из её рта; она была благодарна ему именно за то, что он хотел этого так же сильно, как она, ей так надоело искать, просить, чтобы кто-то утолил её жажду, а он тоже жаждал: как она, на равных, и от этого ей сносило крышу. Она уже забыла, как это приятно, когда ты хочешь кого-то так же, как он тебя. Даша подумала: странно, что её так сладко, так правильно, именно так, как ей всегда хотелось, как она жаждала, алкала, целует молодой незнакомый человек.

– Какой же я незнакомый, я твой демон-хранитель, – вдруг сказал он.

Даша так удивилась, что впервые в жизни не знала, что сказать. Вообще-то она никогда за словом в карман не лезла, никогда с ней такого не было, наоборот, слова слетали с её губ

с лёгкостью, с шиком, артистично, с блеском, с юмором, а с ним она забыла, как извлекать звуки с помощью голосовых связок и тем более составлять слова из этих звуков, да ещё надо облекать мысли в слова, атас! Демон-хранитель, подумать только!

Он обнял её ещё крепче – она удивилась полному совпадению их тел, ей было так удобно, как будто она была создана для него, а он для неё. Он прижал её так, что ни одна беда, ни одна тревога не смогла бы, не нашла бы щелочки, чтобы пролезть между ними. Абсолютный покой и уверенность в правильности происходящего – вот что почувствовала Даша и постаралась насладиться этим чувством, пока оно не покинуло её, но оно и не думало расставаться с ней, она так расслабилась, что ничуть не испугалась, когда в его крепких объятиях поднялась над тёмным парком, дрожащим от прохлады.

Он, прижав её ещё сильнее, хотя куда уж сильнее, нежнее, полетел над растёкшимися, мигающими разноцветными огнями реками красных и белых, текущих в противоположные стороны автомобилей, огни мигают, пульсируют, а окна в домах перемигивались: зажигались новые, некоторые гасли; похоже на человеческие жизни, подумала Даша, и он сказал ей, дыша теплом на ухо:

– Точно так, только гаснут, перебегают, зажигаются новые не окна, а по старинке – свечи, там, в замке жизни и смерти.

– А что, они живут в одном замке? – спросила Даша.

– Не только в одном замке, это одна и та же богиня, днём белая, а ночью тёмная.

Даша удивилась, почему она сама раньше не замечала, не догадывалась, что в жизни есть зародыш смерти, что это одна и та же сила, одна и та же энергия.

– Одна, – подтвердил он.

Её демон-хранитель постарался обнять Дашу так, чтобы встречный ветер не тревожил её, принял его на себя, и Даша чуть не расплакалась от благодарности и нежности. Она увидела, что перед ними на расстоянии пяти секунд полёта на берегу реки Москвы светится новое высокое двадцатизэтажное жилое здание.

Они опустились на широкий балкон, кольцом окружающий круглую башню на самом верху дома. В башне было темно. Балкон был открыт всем ветрам, но Даша не чувствовала холода, ей было весело и любопытно. Она постучала каблуком по мраморным плитам балкона и облокотилась на широкие дубовые перила. Он не торопил её, с улыбкой наблюдая, как она любит дряхлеющую, зыбкую, стремительно погружающуюся в ночной сумрак Москву. Через пару минут наступит ночь.

Они вошли в башню, и там сами собой вспыхнули факелы на стенах. Даша увидела стол и два кресла красного дерева с вырезанными на спинках сценами из средневековой повседневной жизни. На спинке одного крестьянка, низко нагнувшись, жала серпом пшеницу, когда Даша посмотрела на неё второй раз, то крестьянка, выпрямившись, вытирала локтем левой руки пот со лба. На спинке другого рыбак выбирал из моря сеть, а вдалеке был виден маяк, эта картина потом тоже изменилась: через минуту рыбак исчез со спинки кресла, наверное, утонул, и только одинокий маяк посылал в пространство лучи света.

Дашин кавалер зажёл пять свечей в серебряном подсвечнике на середине стола. Даша вопросительно посмотрела на демона.

– Нет, это не души, – сказал он, – это просто свечи, не беспокойся.

Но Дашу теперь не оставляла мысль о человеческих душах, сгорающих, как свечи.

Окна в башне напоминали бойницы. Даше нравилось, она чувствовала себя защищённой, она купалась в новых ощущениях, чувствах, старалась запомнить всё до мельчайших подробностей, она во все глаза смотрела на него, получала наслаждение от того, как он двигался, его движения были то такими быстрыми, что за ними нельзя было уследить, то плавными и медленными; и быстрые, и медленные были летящими, нечеловеческими. Даша любовалась затаённой силой его жестов, ей было и страшно, и сладко. Она провела паль-

цами по его руке, горячая, как будто пышет жаром, как будто у него температура, как будто он сгорает от желания, совсем как я, подумала Даша.

Она прикоснулась к книге, лежащей на столе, кожаный переплёт гримуара вспыхнул голубым холодным пламенем, Даша отдёрнула пальцы, но демон улыбнулся и, взяв её руку, опять положил на книгу, тёплый огонь облизал Дашину ладонь, пробежал язычками по кожаному переплёту и исчез в корешке, крышка, как живая, подёргалась и открылась.

Он смотрел на Дашу с лёгким удивлением:

– Он слушается тебя, впервые вижу, чтобы гримуар признал человеческую дочь, – тихо проговорил он.

Даша слегка загордилась. Она обняла книгу и в порыве вдохновения развалила её в ладонях со словами:

– Покажи моего демона!

Гримуар пролистал страницы лёгким дуновением сквозняка, взвился и вздохнул язычок пламени: текст на открытом Дашей развороте побежал огнём по пергаменту.

– Герцог Данталион, – зажглась и запульсировала строчка.

Даша читала незнакомые буквы так, будто знала их с рождения:

– Семьдесят первый дух, великий и могущественный герцог, – Даша подняла глаза на Данталиона, тот ласково, с восхищением смотрел на Дашу и поощрял её взглядом, она продолжила: – Его предназначение и долг заключаются в том, чтобы обучать детей человеческих редким искусствам и наукам; скрытые намерения любого человека прозрачны и ясны для него; он видит тайные мысли и мужчин, и женщин, и он может изменять их по желанию своего заклинателя. Он с лёгкостью может вызывать любовь, как пожар сжигающую человека, может являть двойника любой персоны, тем паче он может показать одного в любой части мира, которую выберет его господин. Кроме того, он обладает даром превращать людей в птиц. Может заставить деревья сгибаться по желанию заклинателя. Данталион управляет 36 легионами духов. Он строптивый и своевольный демон, и его хозяину трудно приручить его, но если это ему удастся, то вернее и преданнее слуги не найти.

Даша провозгласила эти слова громким, чётким, показавшимся ей самой чужим голосом. Молодой демон слушал её очень внимательно и почтительно, по прочтении он снял с пояса серебряный кинжал с кривым клинком и, встав на одно колено, подал его Даше, она ничуть не удивилась и бесстрашно полоснула левую ладонь, выступили рубиновые бусины крови. Даша приложила руку ко лбу коленопреклонённого демона как печать, оставив кровавый отпечаток, который тут же взвился лёгким дымком с цветочным ароматом.

– Ты моя госпожа, – сказал Данталион, – клянусь служить тебе до самой твоей смерти.

Даша не успела испугаться, ведь он сказал, что до самой её смерти, она не ослышалась? «А правда, кто из нас смертный, конечно я», подумала Даша. Она молча, с королевским достоинством кивнула – сил удивляться у неё уже не осталось, от волнений сегодняшнего вечера и аромата испарившейся крови она впала в эйфорию и почему-то страшно захотела спать, Данталион подхватил её на руки и отнёс на высокую кровать, убранную красным шёлком.

Даша, не открывая глаз, не выходя из дремоты, плавно поднялась в воздух на десять дюймов над кроватью, её одежда медленно растянулась и развернулась, как распускающийся розовый бутон, блузка, юбка, а потом и бельё, как снег, упали на пол, обнаженная Даша, вольготно раскинув руки, зависла, покачиваясь в воздухе, Данталион почтительно отвернулся и стоял в ожидании, не отходя от кровати. Раскрылось красное покрывало, обнажились белые простыни, и Даша опустилась в льняную прохладу. Она свернулась калачиком и тихонько засопела, вздохнув, опустились простыни и укрыли её. Данталион осторожно положил гримуар рядом с Дашей на кровать и вынес факелы.

Даша проснулась и долго не могла понять, где она. Её сон показался ей таким вразумительным, что она никак не могла осознать, каким образом она очутилась дома, она совершенно не помнила, как пришла, как открыла дверь, принимала ли душ, судя по тому, что она была обнажена, то легла она как обычно, она всегда спала без одежды, терпеть не могла ощущать на себе что-то во время сна. Она прекрасно помнила свой сон, он был такой свежий, подробный, она живо помнила все ощущения, они были правдивы и яркие, как будто это не сон, а явь, забыть такой сон невозможно: башня на крыше дома на берегу Москвы-реки, герцог Данталион, кинжал, клятва на крови, гримуар в кожаном переплёте.

Даша решила никуда сегодня не ходить, собиралась поваляться, понежиться в постели, но она так хорошо выспалась, что лежать ей совершенно расхотелось, и она вскочила с кровати как пружина. Ей показалось, что если она раскинет руки и оттолкнётся посильнее, то с лёгкостью взлетит в воздух. Она, танцуя, прошла по комнате и вышла на балкон, ей было не холодно, небо было чистым, бледным, безмятежным и таким высоким, как бывает только осенью в безветренный день, когда кажется, что сам воздух разрежен и тих, слишком тих; солнце светило ровно и спокойно, во дворе клёны и каштаны стояли наполовину опавшие, вокруг стволов, как отражение кроны, сияли жёлтые листья.

Ветра не было, как будто сама осень задержала дыхание, чего-то ждала, с кем-то прощалась, провожала кого-то дорогого, кого навсегда потеряла, не вернётся, и стояла в раздумье, тихо-тихо. Даша завороченно смотрела, как с клёна медленно срывались и один за другим в ведомом только им самим порядке, враскачку, непрерывно, один ещё на середине пути, а уже бесстрашно, не боясь ничего, срывается другой; не успеет упасть этот, как следующий бросается за ним вдогонку, как будто не может без него жить, падали листья. Даша смотрела на этот тихий, казалось бы, грустный танец опадающих листьев, но грусти-то она как раз и не испытывала: падают медленно листья с равными промежутками, не останавливаясь – красиво. Она закрыла дверь балкона, накинула шёлковый халат, и тут зазвонил телефон.

– Даша, – услышала она смутно знакомый молодой мужской голос, – это я, Данила, с которым вы вчера вечером играли в шахматы на конфеты, – бархатным ласковым голосом, каким говорят улыбаясь, сказал он, – помните?

Даша покраснела и смутилась, хотя говорила по телефону и собеседник не мог её видеть. Она была рада и растерянна и боялась, что он раздумает говорить с ней, и постаралась загладить неловкость.

– Конечно, мне очень понравилось, – слишком горячо, волнуясь, сказала она.

– Мне тоже, – без раздумий ответил он. Она воспряла духом.

– Даша, – сказал Данила, – сегодня я договорился о собеседовании для вас, будьте готовы к 12 часам, хорошо?

– Что от меня требуется? – спросила Даша, не представляя, о каком собеседовании идёт речь, но она не хотела терять ниточку, которая их связывала.

– От вас требуются хорошее настроение и спокойствие. Работодатель немного странный, но бояться его не надо, он любит любящих и уважает смелых, – сказал Данила.

– Хорошо. До свидания, – ответила Даша. Как он узнал, что она хочет поменять работу?

Она заволновалась. Это было приятно. Внутри как будто шарик воздушный, наполненный радостью: она увидит Данилу, того, с кем она играла в шахматы в парке, здорово, он умеет угадывать желания, а может, она ему, нет, не может, не может такого быть, что она ему понравилась, не надейся, не мечтай, он мальчик ещё, ты раза в два его старше, сейчас ему двадцать четыре, ей сорок восемь, а когда ему будет сорок, ей будет восемьдесят, что ли? Она рассмеялась, ему будет сорок, ей будет шестьдесят четыре, всего-то, девчонка! Она развеселилась, полтора часа на сборы, что надеть, что надеть? Она нырнула в недра шкафа, у бога всего много, подумала она и стала перелистывать наряды: белый верх, черный низ?

и в гроб?! не пойдет! Красное в обтяжку платье? не хочу, буду чувствовать себя неудобно, я же не роковая женщина, я скромная, шкаф ломится, а надеть нечего, хоть голой иди!

Она скинула халат и принялась изучать себя в зеркале. Стройная, ей были бы как раз вещи, которые она носила в двадцать. Ноги длинные, стройные, бёдра узкие, тонкая талия, грудь третьего размера, длинная шея, гордо посаженная голова, треугольное лицо, беби-фейс, не поймешь, сколько ей на самом деле лет, и чуть-чуть седины, совсем незаметной в светлых волосах, она придирчиво осмотрела себя, пойду голой, подмигнула она своему отражению, отражение скептически покачало головой и криво улыбнулось. Даша обиделась и в отместку вредному отражению схватила первые попавшиеся чёрные джинсы и болотного цвета рубашку с редкими несимметричными оранжевыми вышитыми вручную искрами. Она распустила волосы, чуть подкрасила ресницы, тронула помадой пухлые губы и вспомнила, как вчера в парке он поцеловал её, по телу пробежал ток. Она немного оттенила брови, совсем чуть-чуть, так, чтобы яснее был виден упрямый излом – смелый, своевольный, дерзкий. Хороша!

Она натянула берцы и по привычке потопала правой, потом левой ногой в пол. Без пяти двенадцать, а вдруг она так и просидит с чистой шеей, и он не позвонит? Вдруг это шутка и никому-то она не нужна? Она уже успела расстроиться, как в дверь позвонили, не один раз, а мелодией: три звонка, два коротких и один длинный, она могла поклясться, что это было: э-то-яа...

Она с надеждой и страхом открыла входную дверь.

– Герцог Данталион! – вырвалось у неё.

– Хотел бы я быть герцогом, – засмеялся Данила.

– Вы пунктуальны, – Даша не могла остановиться: – Признайтесь, вы – демон, и будете служить мне до самой моей смерти, – попёрла она на него.

Молодой человек улыбнулся:

– Точно, – сказал он, – я демон, – с той интонацией, как говорят, чтобы буйный сумасшедший успокоился и не входил в раж.

Даша надулась и украдкой посмотрела ему в глаза, но ничего, кроме усмешки, не увидела.

– Ну хорошо, – согласился он с притворной покорностью, – я буду служить вам, Даша, если хотите!

Даша почувствовала себя дурочкой и растерянно замолчала.

Он старательно прятал улыбку. Данила был в чёрном, на шее у него был красный шарф, Даша вспомнила, что в гримуре герцог Данталион описывался в образе человека в алом плаще и чёрной одежде, держащего книгу в правой руке: в правой руке у Данилы был планшетный компьютер, описание вроде подходило, но не являлось абсолютно идентичным, она сомневалась, и её всё время мучила, не отпускала мысль, что Данила – и есть герцог Данталион.

В ответ на эту мысль Данила хмыкнул и отворил дверь Дашиной квартиры, они шагнули и вместо лестничной площадки попали в огромный зал, такой высокий, что под сводчатым потолком сгущались сумерки. Из высоких окон толстыми снопами света падали солнечные лучи на стоящие рядами, как в библиотеке, столы с зажжёнными зелёными лампами. Они нашли свободный стол в начале, ближе к кафедре, дальние столы были уже все заняты. С потолка, врасскачку, как осенние листья, стали падать листы с тестами. На столе перед Дашей улеглись стопкой пять листов.

Только она хотела начать, как по проходу между столами послышались шаркающие шаги и на её макушку по-отечески опустилась крупная ладонь. Даша затаила дыхание, она почувствовала себя маленькой, это было так приятно, что, когда руку убрали, Даша почувствовала отчаяние, безграничное, безбрежное, как в детстве, когда однажды, гуляя в Соколь-

никах, она потеряла папу, ощущение было похоже. Она с тоской проводила глазами высокого с волнистыми тёмными, наполовину седыми волосами старика в растянутой толстой вязаной кофте на голое тело, в пижамных вельветовых штанах и дырявых домашних тапочках на босу ногу. Он не стал занимать кафедру, а поставил стул к окну, сел, закинув ногу на ногу, и закурил. Синий дым за клубился в луче света. Даше вдруг нестерпимо захотелось получить эту работу и чтобы он хотя бы ещё разок погладил её, как маленькую, по голове.

Даша подвинула к себе вопросник и стала бегло заполнять пустые строчки. Через пятнадцать минут ей осталось ответить на три последних вопроса. Самое главное в жизни, это... «любовь», написала Даша, потом зачеркнула и написала «приятие», опять зачеркнула и написала: «когда по нраву», это больше, чем любовь, решила она и удовлетворилась, перешла к предпоследнему вопросу: самый большой враг человека — ... «это он сам», подумала, «близкие его», написала она, банально процитировав Библию, снова зачеркнула и потом решительно написала, прощаясь с надеждой работать на отца: «мечта», а на последний вопрос, который звучал: великая избавительница — это... Даша, не раздумывая, поставила: «смерть», она точно знала ответ на этот вопрос, печально улыбнулась и подписала экзаменационный лист: рука сама вывела — *се, раба твоя, Дарья*, встала и первая вышла из зала и оказалась в своей квартире, сил не было, она рухнула на кровать и провалилась в сон: *она возлежала на пиру, на коленях у неё покоился гримуар, она раскрыла том на странице с описанием своего демона и приложила левую ладонь широм к странице, прижала посильнее и замерла в ожидании.*

Тихо переговаривались гости, закатное солнце заглядывало в окна, и вдруг зазвенели тимпаны, заворчали барабаны, заныли, сжимая сердце, тубы и корну, зазвенели, задрожали струны кифар, человеческим голосом взвыла виола, солнце прикрыло свой утомленный покрасневший глаз, и в пиришественный зал на палевом, излучающем свет коне въехал Данталион в чёрных одеждах, в алом плаще. Даша привстала на своем ложе... и проснулась, как всегда, на самом интересном месте!

Она рассердилась и расстроилась, попыталась заснуть вновь, но ничего не вышло, она вскочила с кровати, на пол с громким стуком упала книга, Даша наклонилась, и сердце чуть не выпрыгнуло из груди: она от радости не могла поверить своим глазам, смотрела долго, узнавая и не узнавая, боясь спугнуть удачу: под ногами лежал гримуар, по кожаному переплёту перебегали синие языки пламени, буквы на обложке вспыхивали золотом. Она схватила книгу и прижала к груди, сожалея, что дала ей упасть, готовая целовать её, испрашивая за это прощения.

Значит, правда, всё правда, и герцог Данталион, её демон-хранитель, и Бог в кофте и старых тапочках, и экзаменационные тесты на сценариста — всё правда, она в растерянности села на кровать, а тесты я наверняка провалила, обречённо подумала она. Может, на следующий год попаду, чем чёрт не шутит, пока Бог спит?! Вдруг повезёт! Отчего же нет! Да и с книгой она теперь могла всласть позабавиться, посмотрим, что скажет Данталион, когда она вызовет его. Легко! Она села на кухне и приложила к его странице левую ладонь, не успела она сосчитать до пяти, как в дверь позвонил Данила, или Данталион, два коротких и один длинный, э-то-яа!

Она лениво подошла к двери и, разыграв скуку, сонным голосом сказала:

— Кто там?

Данила робко:

— Это я!

— Кто я? — продолжала вредничать Даша.

— Данила, — покорно сказал он из-за двери.

— Хто-хто? — изобразила маразм Даша, причём довольно достоверно.

— Я, Данталион, — обреченно сказал он.

– Герцог? – спросила Даша с издёвкой.

– Герцог Данталион, – послушно повторил он.

– Госпожа, – подсказала Даша из-за двери, довольно хихикая.

– Это я, герцог Данталион, твой демон-хранитель, госпожа. Служу и охраняю.

Довольная Даша открыла дверь.

– Проходи, дорогой, – сказала она.

– Спасибо, – улыбнулся он, наклонив голову. Она потрепала его по волосам и чмокнула в гладко выбритую щеку.

– Итак, Данила, или Данталион, – поддела Даша, – ты свободен, я просто проверяла, как работает заклинание, отдыхай, милый, – и Даша выставила его из квартиры.

Через двадцать минут Даша, внутренне хихикая, повторила трюк, вызвав демона ещё раз. Он явился тут же, но одет был не так тщательно, скорее небрежно, красный шарф, положенный по протоколу, на этот раз он забыл, рубашка не застегнута, виднелась загорелая мускулистая грудь. Даша подумала: а может, это не она, а он над ней издевается, он доложил по форме, мол, герцог, служу и т. д., и т. п., а она сказала, что хочет мороженого. Данила с готовностью повернулся и через пять минут Даша, отпустив его, наслаждалась сливочным пломбиром, сидя перед телевизором. Она подумала-подумала и вызвала его ещё раз, он явился так быстро, как будто не уходил, только был босиком и в полотенце вокруг бёдер. Даше стало стыдно, и она уже хотела попросить прощения, а это было плохо: если она начала чувствовать себя виноватой, то обычно это означало, что она глупо и напрасно очаровалась, пока она раздумывала и краснела, боясь поднять на него глаза, он сдёрнул полотенце и прижал её к себе так крепко, что ей оставалось только поднять к нему лицо и закрыть глаза, она обняла его за талию, а он проник языком в её рот, и она подчинилась, расслабилась и стала отвечать на его движения осторожно, боясь ошибиться. Если бы не этот поцелуй – всё, она бы умерла. Точно. Потому что не было ничего, её самой не было, была какая-то тень и выжженная земля. Ничего не росло. А вот поцеловал он её – и оказалось, она живая, и чувствует, и радуется, и трепещет, и не знает, и узнаёт, и это так правильно и в точку. Как будто ты и с этой стороны и с той одновременно. И сильно и нежно, и с напором, и осторожно, обоюдно, чёрт, вот это слово, не в одиночку, а с обратной связью, не отдельно, а вдвоём, как будто ты и в своём теле и одновременно вышла из него и в его тело вошла и сама себя целуешь, а он тоже вышел и тоже сам себя целует, тут слов нет, только звук, приблизительно А-а-а-а-а-а-а-а! Она была готова биться об заклад, что у них и группа крови одна и та же, у неё первая, у него третья, наплевать на цифры, одна и та же! Она это точно знает, интересно, есть у демонов группа крови или нет? Он меня хочет, тут не ошибёшься! И наказывает. Он почувствовал, что она совсем растаяла, что она готова, что она хочет его всем существом, что она и госпожа и служанка, и нищая и подательница, и счастливая и несчастная, что ещё чуть-чуть – и она будет его униженно просить, тогда он резко оттолкнул её и испарился.

Сверкнула молния, тут же ударил гром, балконная дверь распахнулась, и стекло хлынуло водопадом осколков, ветер и дождь ворвались в комнату. Это он, Данила, рассердился. Даша растерялась и обиделась, она понимала, что её кинули, пронесли пищу мимо носа! Да-а-а, беда, она сама виновата, не надо было его дразнить, вот и получила, то есть как раз не получила! Она едва дошла до кровати, разделась, легла и замоталась в его полотенце, стала вспоминать, как он целует, хочу ещё... Она поплакала, стало немного легче, только глаза завтра будут опухшие, подумала Даша, она отложила свою тоску до утра и, баюкая желание внизу живота, сомкнув бедра, ощущала ток крови от кончиков пальцев ног до самой своей середины, в центре живота от желания стало тепло, и она почувствовала, как к ней возвращается, наполняется кровью и сопротивлением, упругостью, желанием жизненная сила, и сладко заснула в слезах, в безнадежных надеждах и розовых слюнявых ненавистных мечтах, которые демон презрительно называет сюси-пуси. Как он целует, хочу ещё! Вынь да положь!

Утром она проснулась с ощущением приятным и тревожным одновременно. Балконная дверь была целёхонька и сияла ослепительно чистым стеклом, только на полу остались мелкие блестящие, как бриллианты, осколки.

Сколько дней она не ела? Мороженое вчера не в счёт, пир был во сне, значит, она не ела с того вечера, как играла в шахматы на сладкое со своим демоном. Почему она считает его своим? Может, она не одна у него такая? Может, у него штуки три таких, больше вряд ли уследишь, не убережёшь, а так хочется быть единственной, но нет, вряд ли она у него одна такая. Не ела с того самого вечера, как встретила его в парке, и он накормил её и напоил, как, однако, хочется, чтобы тебя напоили, жажду твою уняли, может, я вампир, подумала Даша, похоже, что вампир, мне так хочется его выпить, насытиться им, нельзя, он мальчик, молодой, да к тому же и демон в придачу, а есть и правда хочется. Два дня прошло всего, как он её напоил кофе, а ей кажется, что с тех пор две жизни прошло. У неё сейчас такие насыщенные дни, каждый день – как отдельная жизнь, каждый день она рождается, проживает целую жизнь с новой любовью, со счастьем, горем, смертью близких и своей собственной. Никогда она так наполненно не жила, не было с ней такого, а всего-то два дня прошло.

Она даже боялась признаться себе самой, что ей безумно хочется, чтобы он её полюбил как женщину, а не как охраняемый объект, как архитектурный памятник, как антикварный комод, да, наверное, нельзя. Мы не можем с живыми женщинами, прозвучал голос Данилы в её голове; а с мертвыми можете? – съехидничала Даша; ну зачем ты так, перейдя на ты, ответил Данила. Она оглянулась, дома никого кроме неё не было. Она хотела было вызвать его с помощью гримуара, но передумала, она ведь может без него жить, правда, может? Она прислушалась. Началось, уже говорю сама с собой, подумала Даша. Почему бы Богу не дать мне такую любовь, размечталась она. Нельзя, ответил голос. Она не стала спорить. Всё равно она никогда бы не пошла на такие отношения, он молодой, она – не слишком. Сама бы не пошла, постеснялась, я старая, не гожусь для любви, горько подумала она. Надо привыкать к старости.

Даша хотела уже заплакать от жалости к себе, но услышала телефонный звонок. Она ответила:

– Да? Слушаю.

Номер не высветился, и она услышала голос Бога, она сразу поняла, кто это, даже не стала спрашивать. Г. Б. долго кашлял в трубку.

– Курить меньше надо, – подумала она.

– Мала ещё мне советовать, – сказал Бог, – и ты принята, мне понравились твои ответы, не люблю слишком умных, – сказал он.

Даша не поняла, комплимент это или критика. Вроде комплимент – понравились ответы, а вроде критика, она, значит, не слишком умная, обидно.

Бог ждал, что Даша ответит, а она молчала и совсем не знала, что сказать: что говорить-то, он ведь и так про неё всё знает.

Он побряхтел и продолжил:

– Будешь, деточка (деточка? – она скривилась от подступивших слёз, это я – деточка?), писать для людей сценарии их жизни, – сказал Бог. – Пиши во сне, обычно так живенько получается, когда во сне пишут, а когда наяву, очень надуманно выходит, я так не люблю, – хмыкнул он. – Напишешь ночью, а утром мне посылай.

– Как? – пискнула Даша.

– Да как хочешь, – сказал он, – хочешь – по Сети посылай: мой сайт латинскими буквами *Boga_net.ru*, и всё. Хочешь, по почте, напишешь на конверте «Мои слова да Богу в уши» и можешь не беспокоиться: дойдёт письмо как миленькое, а хочешь – по дороге в магазин положи в любую свободную тележку, у тебя супермаркет поблизости есть какой-либо?

– Есть, – прошептала Даша.

– Вот и ладненько, и тоже до меня дойдёт, – он хихикнул, – а хочешь, – говорит, – брось в помойку, только в целлофановый пакет заверни, тоже дойдёт, может, запачкается немного, но не переживай, я да проктологи – мы люди не гордые, привыкли в людском дерьме копаться и жизнь с нужной стороны видим.

Даша послушно кивнула, будто он мог её видеть.

– Ну до свиданья, – сказал Бог, из его уст «до свиданья» звучало довольно зловеще, подумала Даша, и на автомате ответила:

– До скорого.

– Он хохотнул:

– Не спеши, милая, успеешь.

Даша впервые поговорила с Богом не так, как привыкла лет с четырнадцати и до последнего времени, пока не взбунтовалась, мысленно, а по-настоящему и положила трубку с ощущением, что на Бога положишься – не обложишься, и настроение у неё поднялось. Получив работу сценаристки Г. Б., Даша начала по-другому смотреть на многие вещи. Она стала очень тщательно готовиться ко сну, в смысле – к сновидению. Она ложилась теперь не позже одиннадцати, потому что заметила, что, когда она засыпает в четыре, то снятся ей преимущественно кошмары. Ну ладно, если ей одной, но теперь эти кошмары могли повлиять на других людей, чего по природной своей деликатности Даша никак не могла допустить, её сценарий мог испортить жизнь никак не связанных с ней и поэтому не обидевших её людей. По той же самой причине ей пришлось отказаться и от ужина.

Даша небезосновательно считала себя оружием, то есть орудием Бога, поэтому – держала себя в чистоте внешней и внутренней и в боевом состоянии. Она чувствовала себя приблизительно так, будто это про неё сказано: «Мне отмщение и аз воздам», – и она даже слегка гордилась собой. Она и спать теперь стала, как пожарные, каждую свободную минуту, и записывала пришедшие к ней сны почти как Вера Павловна. Приходилось класть рядом записную книжку и ручку, чтобы поймать ускользающие видения. Это мешало ей спать, в смысле ответственность: заснуть от чувства ответственности иногда не удавалось очень долго, и от этого тоже снились кошмары. Она их очень тщательно записывала. Ей часто снились младенцы-мальчики, что, как известно предвещает маету, пустые хлопоты и разочарования, чего Даше в жизни и так хватало, и без снов. Например, приснился ей кошмар, она была ошарашена, убита, но послушно схватила ручку и дрожащими буквами записала:

Мы дома: мать, отец, я и маленький, до года, ребёнок, не мой, типа внук или ребёнок знакомых. Три раза прилетают самолетики игрушечные, он их ловит, на балконе один раз, второй, потом третий раз на кухне, большой игрушечный самолет, ребёнок ловит его, я помогаю, но самолет вылетает в открытое окно, и ребёнок, поймав его, выпускает из рук и падает спиной в окно. Я стою и держу в руках дурацкий большой самолёт, который я автоматически поймала. Слышен звук падения. Отец и мать смотрят на меня понимающе и прощающе, немного укоризненно, собираются и молча обречённо спускаются вниз. Я малодушно остаюсь дома.

Она записала это всё очень старательно, но никак не могла представить, чем это может помочь Г. Б. в его работе по обустройству мира, но договор есть договор, она оформила сон и отослала его на указанный им сайт.

В другой раз ей приснилась затерянная деревенька между лесом и затопленными лугами. Там живут умершие мать и отец, я у них, у мёртвых, в гостях. Надо уезжать. Мать, как всегда, приспосабливает площадки под хозяйственные нужды. Звучит песня, я залезла куда-то высоко, типа на чердак, что ли, срываюсь, но цепляюсь за оконные ручки и быстро и легко соскальзываю вниз на траву без потерь. Спешу с девчонками на поезд: уезжаю надолго, навсегда. Там, в вагоне, ко мне спиной спускается с верхней полки мой бывший. Хотя я не вижу лица, но точно знаю, что это он.

Что можно почерпнуть из этого сна, Даше тоже было неясно, единственное, что и при жизни её мама всё время что-то приспособливала под хозяйственные нужды. Тазы, миски, корыта на даче, то есть в деревне. Даша так и видела её своим внутренним зрением: невысокую, худенькую, жилистую, в зелёном выцветшем фланелевом пятидесятых годов лыжном костюме, всё время чем-то занятую, ну что может быть полезного в таком сне для Бога, думала Даша, но ему-то как раз и понравилось, он ей благодарность «по мылу» прислал.

Даша обалдела и уже без страха послала на днях ему последний на настоящий момент сон. Она накорябала от руки, потому что Сети не было, и отправила по почте в конверте:

Я за старым чертёжным огромным тёмным деревянным столом, как в ПКО на проспекте Мира, где сейчас остался Гознак, приходит мой старый (который недавно умер), и мы занимаемся чем-то по работе. В окна, огромные квадратные, смотрит и шелестит зелёная ясеневая редкая листва, перебиваемая солнцем, проходят и трясут со звоном пол трамваи. Лето.

Я почему-то сплю на земле, но чистые простыни, одеяло, тепло и мягко, рядом горит костёр. Мне очень уютно, и я сплю, как всегда, раздетая. Подходит Андреич, полностью одетый, в пальто, и спрашивает меня, как дела, я лёжа отвечаю, при этом думаю, приляжет он со мной или нет. Я не встаю, продолжаю лежать и отвечаю ему что-то незначительное. Через некоторое время он всё-таки спокойно, как так и надо, раздевается и ложится рядом. Но он меня не касается, нас разделяет простыня. Потом он так спокойно обнимает меня, наши руки находят друг друга, пальцы очень нежно переплетаются, типа не бойся, я с тобой. Я и он чувствуем нежность.

У меня во рту кусочек сырого мяса, я проглатываю первый кусок и только после этого вспоминаю, оно же сырое! и отношу остаток на полевую кухню.

Мы с Наташкой решили куда-то пойти, идём и попадаем на очень крутой склон, удержаться на нём почти невозможно, он ровный, покрыт зеленой короткой травой и резко, градусов под семьдесят, спускается к обрыву, мы цепляемся за траву, пытаюсь удержаться, и я думаю, что зря мы туда пошли, но делать нечего, и мы изо всех сил ногтями, пальцами цепляемся за траву, на наших глазах на склон выезжает, почти прилетает красная блестящая машинка с девушкой за рулем, и мы, молча от страха, от сознания, что сделать ничего не можем, смотрим, как она тут же съезжает в пропасть, на лице у неё ничего не успевает отразиться.

Мы, цепляясь, вгрызаясь ногтями, проходим этот опасный участок и попадаем в магазин одежды с высокими стеллажами, мы выбираем одежду. У меня в руках комплект: нижняя кружевная прямая, длиной до колен, юбка и верх вроде комбинации, тоже из бежевого кружевного полотна. Производства Прибалтики. Подшито плохо, стянуто, я начинаю растягивать подпушку, и нитка лопаётся, я прохожу руками по всей подпушке, и нитка, которой всё это подшито, периодически лопается, мне делает замечание какая-то женщина, я со знанием дела ей отвечаю, что я сама шью и знаю, что делаю. Проходит Вадим, и я забочусь, чтобы он не заметил, что на мне нет нижнего белья и сверкают мои голые бёдра. Он говорит: ты же уволилась у Андреича? Да, киваю я.

Среди полок с одеждой почему-то еда. И у меня в руках оказывается тарелка с супом типа шурпы: много мяса и густой, ароматный, наваристый, прозрачный бульон, и я не знаю, куда деть эту еду. У меня из рук берет её разбитная такая женщина средних лет, давай я тебе помогу, и выливает бульон из тарелки прямо мне под ноги и говорит, вот теперь всё нормально, я говорю, зачем вы это сделали, не надо было так, и пересыпаю куски мяса в целлофановый пакет и забираю с собой.

С этим пакетом в руках, с добычей, она меня удовлетворяет, я иду по всхолмлённой местности по кочкам, заросшим зелёной травой, к нашим автобусам, я смотрю в пакет и вижу сверху детский тёмно-серый валяный ботиночек, маленький, с чёрной резиновой

подошвой, который варился в шурпе вместе с мясом, от него идёт пар, я вынимаю его из пакета и по пути выбрасываю в канавку.

Иду дальше по траве, по кочкам к автобусу. Сзади меня окликают юноша, такой плотный, румяный и с ним худенькая девушка: что это у вас там? Я говорю – фантики, он говорит – отлично, мы любим играть в фантики, давайте сыграем! Несколько раз повторяет, настойчиво: давайте сыграем! Я уваливаю, уворачиваюсь, ведь если начать играть, то обнаружится, что у меня в пакете украденное мясо. На трассе стоят наши экскурсионные автобусы, и я удовлетворённо думаю, что добытое мясо мы с Наташкой спокойно съедим в автобусе. Я рада. У нас есть еда. Парень с девушкой, которые хотели сыграть в фантики, отстали.

На этот раз Бог не одобрил, но и не ругался. Даше самой было бы очень интересно узнать, как Бог употребит этот путанный сон и что означает этот серый, сваренный в бульоне детский ботиночек.

С тех пор как она начала работать на Бога, Даша заметила, что теперь, когда она смотрела на людей или слышала обрывки их разговоров, то видела их жизнь, как будто смотрела о них фильм или читала их дневники, причём это происходило очень быстро. Видела не то, что предъявлялось людьми, а то, что было скрыто.

Обычный разговор немолодой пары вдруг, как ключом, открывал их несчастливую, полную сожалений и взаимных упреков жизнь. Она видела теперь и таких же, как она, помощников, видела ангелов, например, вчера, когда она вышла на своей выгнутой чёрно-белой дугой станции «Пятницкое шоссе», то заметила на чёрной стороне, что многое говорит посвящённым людям, на холодном мраморе лежало тело, которое покинула душа. Тело без духа было никому не нужно, и только три ангела в милицейской форме спокойно стояли в вольных позах, именно вольность и свобода их поз выдавала в них ангелов.

Человек, которого покинул дух, тоже лежал в свободной позе, и его ничуть не заботили испуганные и любопытные взгляды тел, дух которых ещё не покинул свои бранные оболочки. Души страдали от цинизма своих носителей. Поэтому можно сказать, что бездушные прохожие, а некоторые дошли до предела бесцеремонности и останавливались, чтобы ничего не пропустить из последнего акта чьей-то жизни, и радовались, что не их, а чужой жизни пришёл конец. Странная безрассудная радость, потому что Даше такое зрелище напоминало прежде всего, что и она смертна.

Был ещё один эффект: теперь она смотрела на знакомых людей и не узнавала их. Неожиданно для Даши каждый человек оказался не человеком, а целой вселенной со своим солнцем, со своим космосом, со своим временем, причём время у каждого человека текло по-своему, и пересечься по-настоящему в таких сложных математически и термодинамически условиях становилось задачей невыполнимой, можно было только наблюдать за движением этого бесконечного механизма, шестерни самых разнообразных размеров которого крутились в пространстве с различными разбегающимися скоростями, а в середине этого механизма сидел на табуретке Бог в пижамных штанах и своей излюбленной с карманами вязаной кофте на голое тело и, не жалея своих лёгких, курил, подкручивая загорелыми длинными пальцами латунную ручку-рычаг своей старой музыкальной шкатулки с колченогой грязной балериной, к ноге которой и был присоединён огромный механизм всеобъемлющей вселенной, приводимый Богом в непрерывное движение.

Даша, когда впервые увидела это во сне, то даже не стала отсылать этот сон Г. Б., потому что он и так всё это знает и чего ему об этом лишнее раз писать. Она поняла, почему двум людям, считай, двум вселенным, так трудно встретиться в этом невероятно огромном пространстве, и если, паче чаяния, они встретятся, то трудно понять друг друга и не поломаться, зацепившись друг за друга не предназначенными для этого шестерёнками. Такие размышления очень расстраивали Дашу, и без того разочарованную и потерявшую надежду.

Только ответственность, которую Даша чувствовала пред Г. Б., не давала ей заснуть и во сне вставить какой-нибудь прут в самое сердце вселенной по имени Даша, чтобы шестерёнки наконец поломали свои разнокалиберные в зависимости от диаметра зубы и её вселенная прекратила бы свой скрипучий неотвратимый ход. Даша дошла до понимания своей жизни уже так глубоко, что у неё пропало само желание жить. А с таким настроением даже Бог не благословил бы её на работу, которую Даша получила, как она уже сейчас думала, по ошибке.

Окунувшись в свои переживания по поводу работы у Бога, Даша перестала думать о Даниле, и как только она совсем про него забыла, он неожиданно напомнил о себе. Даша отдыхала после рабочей ночи. Это ужасно трудно, отдыхать от работы, которую ты производишь во сне. Данила позвонил в дверь, когда она совершенно этого не ожидала. Она, застигнутая врасплох, побежала открывать как была – в халате на голое тело, наскоро собрав волосы в хвостик, не накрашенная. Когда открыла, обомлела. На пороге стоял Данила, только ему никак нельзя было дать его двадцать четыре, выглядел он на все тридцать пять, как будто он с пятнадцати бороздил океаны и вырос на палубе пиратской бригадины в солёных брызгах с куском солонины в зубах. У Даши зашло сердце от восторга и ужаса. От любви и страха, это было именно то сочетание, которое всегда влекло Дашу, как хорошую девочку, то есть женщину, к плохому мальчику. Кто не знает этого чувства, тот никогда не испытывал восторга шальной безрассудной беспечной отваги, какую испытывала сейчас Даша. Она наконец окончательно отбросила все свои предрассудки, отшвырнула правила, цепи, верёвки, латы, свой панцирь, свою раковину, туда же полетел ржавый пояс верности и тесный корсет запретов, и отпустила себя на волю. Она подошла к Даниле и, схватив за одежду, втянула его в квартиру, потом развела обеими руками его смокинг, расстегнула рубашку и, раскрыв губы, как будто хотела, а так и было, напиться, как путник, заблудившийся в пустыне, как грешник, прикладывающийся к просфоре и вину причастия, встала на носочки и вышла за пределы собственного тела.

Ей показалось, что она находится нигде и сразу везде, она не могла понять, где кончается она, она как будто заполнила собой всё, Даша, конечно, понимала, что только свою вселенную и что с чужой вселенной она имеет очень мало точек соприкосновения, но зато она очень ясно чувствовала эти точки. Она прикоснулась к его вселенной в коленях, бёдрах, животом, грудью, губами и обняла, обхватила руками его вселенную и попыталась пробиться, объединить их миры с такой силой желания разрушить одиночество, что у неё почти получилось, он тоже попытался соединить свою вселенную с её, но у демонов немного другая вселенная, и когда он сорвал со своей наложенные печати, то перестал быть человеком, и его свойства прорезались сквозь человеческую тонкую хрупкую оболочку, и он принял свой истинный вид: предстал перед ней в своём демоническом обличье, он испугал бы любую женщину, но не Дашу. Она была готова увидеть его истинную сущность, потому что за неполных две недели, что работала сценаристкой у Бога, она уже поняла, что не все вещи являются таковыми, как кажутся, и она ожидала чего-то подобного от Данталиона, и именно в тот момент, когда их вселенные перетекли друг в друга и соединились в один космический организм.

На пике наивысшего душевного волнения Даша видела, как изменился Данила: от его прежнего облика мало что осталось. Оказалось, что у него, кроме его юношеской головы, которую знала Даша, есть ещё две. Все три ей нравились, ну одну-то она уже знала, пиратскую: молодое лицо его пылало страстью. Лоб горел огнём. Даше пришлось прикрыть глаза, потому что она побоялась ослепнуть, голова по правую руку Данталиона была львиной, это напомнило Даше о проказе, когда болезнь превращает человеческое лицо в подобие львиной морды, но львиное лицо Данталиона не вызывало у неё чувства отвращения, она запустила руки в львиную гриву и глубоко поцеловала его, проведя языком по крупным жёлтым клыкам и лаская шершавый большой львиный язык. Даше очень хотелось закрыть глаза от

наслаждения, но она не хотела упустить хоть миллисекунду новых ощущений. Она, как гурман, которого посадили за необъятный накрытый новыми яствами, о которых этот гурман краем уха слышал, краем глаза читал в старинных манускриптах или видел в разгорячённом кошмарами сне, стол и сказали – ешь, не знала, с чего начать! Ограничений нет! Диету к чёрту! Границ нет. Границы только в тебе, и только от тебя зависит, что ты позволишь себе за этим столом.

Третья голова немного испугала Дашу. Всё, что она знала о дьяволе, она со страхом увидела в третьей голове Данталиона. Может, так и было. Холодный мраморный лоб. Чёрные бездонные глаза, только дьявол был слеп на один глаз, а оба глаза Данталиона сияли, как чёрные бриллианты, от взгляда в которые Дашу бросило в холод, тонкие скупые губы, татарская, как говаривал Дашин отец, борода отдельными кустиками украшала мощный, выдающийся вперёд подбородок.

Даша даже растерялась, не зная, какую голову ей целовать в первую очередь. Она задрожала от желания целовать сразу все три. Данталион не удержался от смеха, когда понял, чем вызвана Дашина нерешительность. И взял всё в свои руки. Руки тоже изменились. Стали длиннее, мускулистее, если бы он опустил их, то кончики длинных, чувствительных, нежных, как у девушки, пальцев с загнутыми когтями достали бы до колен. Данталион такими длинными руками мог бы шутя обнять Дашу в два оборота. Тут только Даша заметила, что он не обнимает её только потому, что у него в правой руке острый, как будто раскалённый, меч, а в левой змея. Он спохватился и воткнул меч в пол, а змею бросил со словами: как я ненавижу эту гадюку! Она, обиженно шипя, забралась в корзину для зонтов. Как только Данталион освободил руки, он крепко обнял Дашу.

Данталион стал ещё выше, и Даша подумала, что сил удивляться у неё уже нет, было только нетерпеливое желание отдаться новым ощущениям, но когда она помогла Данталиону избавиться от одежды, ему всё-таки удалось её удивить: она обнаружила у него львиный хвост. Он смутился, а Даша сказала, что ей нравится его хвост!

Данталиону приходилось наклонять голову, чтобы не задеть потолок рогами на дьявольской голове, он вытряхнул Дашу из халата, подхватил её на руки, шагнул за порог и опустил на траву. Вокруг, сколько могла видеть Даша, был лес. Трава была невысокой, очень сочной, упругой, словно её стригли тысячу лет подряд, этаким вариант английского газона, только ещё ярче, ровнее, зеленее. Деревья росли далеко друг от друга, любимые Дашины дубы, она с детства была к ним равнодушна. Даша узнала в этом пейзаже свой давний сон, он приснился ей ещё в юности: она оказалась в незнакомом лесу, было темно, но видела всё. Деревья были очень высокие, выше обычных раза в два-три, густые, тёмные, а на ровных полянах среди леса стояли огромные скульптуры мрачных богов. Скульптуры были парные: бог и богиня в различных позах. Было очень тревожно и мрачно. Никаких звёзд и светил не было. Небо во сне было чистое, пустое и тёмное, какое-то непрозрачное. Совсем как здесь, подумала Даша.

Данталион погладил её по лицу и спросил:

– Хочешь полетать немного?

Она улыбнулась: теперь это так называется?

А он сказал: на самом деле полетать!

Он провёл по её спине своей горячей ладонью, и Даша почувствовала, что её тело изменилось, скелет стал маленьким и ловким, она теперь может обернуться на 360 градусов. Даша повернула голову и по-птичьи посмотрела круглым чёрным глазом на Данталиона, раскинула руки и не узнала их, они покрылись чёрными блестящими перьями, тело сжалось, засияло, переливаясь антрацитовым блеском, она загребла воздух руками и, с непривычки слегка вихляясь, полетела. Ветер от крыльев Даши поднял вверх кудри и львиную гриву Данталиона, он захлопал в ладоши, и Даша инстинктивно заработала крыльями и стала быстро

и ровно набирать высоту, он закричал, замахал руками, и она взмыла ввысь, как будто летала с детства. Даша поднялась ещё выше, за всю свою жизнь она не испытывала такого восторга, она поймала восходящий поток и, расправив крылья, зависла в небе, уверенно опираясь на тёплый воздух, и увидела себя, своё тело, как она лежит на спине под огромным дубом с листьями размером с две её ладони на траве рядом с демоном, острыми птичьими глазками она узрела в своих человеческих глазах своё же отражение, как она вороной парит над своим человеческим телом, оно смотрело неподвижными глазами в небо, и Даша, зависшая в воздухе, удивилась, почему у неё такой неподвижный замороженный взгляд, ведь она в восторге, в исступлении, в бою, в огне, почему же она лежит и смотрит в небо, как мёртвая. От этой мысли Даша камнем упала, вернулась в своё тело и увидела, как над ней склоняется трёхголовый Данталион и его молодая голова спрашивает:

– С тобой всё в порядке?

– Да, – ответила она, едва шевеля губами. – Где мы? – спросила она, хотя догадывалась, какой будет ответ, но хотела услышать от него.

– В раю, – просто сказал он.

Она так и знала. Она испугалась и обрадовалась сразу, испугалась, что они умерли, и обрадовалась, что они в раю, где растут любимые ею дубы, где она может летать и видеть себя сверху в объятиях Данталиона, и может обнимать и целовать его на глазах у миролюбивых райских зверей и белоснежного единорога, на глазах огромных, серого мрамора, статуй богов, расставленных между мощными дубами в шахматном порядке в лесу без солнечного света, райском лесу, где всегда царят сумерки без теней. Она не могла осознать, что происходит, не могла собрать себя воедино, она слишком хорошо помнила свои ощущения, когда была человеком, и ещё свежее, когда была вороной и опиралась на воздух сильными крыльями, она не знала, что делать, и предоставила себя в распоряжение Данталиона.

Он наклонился и закрыл небо своим торсом. Даша расслабилась и отдалась течению событий и времени, есть ли время в раю, это ещё вопрос, не пытаясь их контролировать, что и спасло её, а то она сошла бы с ума. Данталион прижался с ней и поцеловал её, это несомненный плюс демона, когда у него больше одной головы, Даша, не сдержавшись, сладко застонала, он встревоженно оглянулся и сказал:

– Тише, тише, не кричи так, а то папа услышит!

Даша зажала рот ладошкой и удивлённо посмотрела на Данталиона.

– Папа говорил, нам нельзя с женщинами, а с охраняемой женщиной вообще никак нельзя, – смутился он.

Даша расстроилась, она уже так хотела его, что ей было всё равно, что с ней, с ними будет:

– Не бойся, он добрый, – сказала она, заглядывая демону в глаза.

– Ты его не знаешь, – грустно ответил тот, – у меня такое, как с тобой, второй раз в жизни.

А-а, значит в первый раз папа за это его и наказал, поняла Даша, а как Бог наказал ту женщину, даже представить страшно.

– А с ней что было? – тихо спросила она.

– А с ней всё плохо, – сказал Данталион, – её затоптали кони, а потом тело порвали собаки, остался только череп, кисти и ступни.

Даша помолчала.

– С кем же вам можно? – спросила она.

– С такими же, как мы, ангелами, то есть демонами, – поправился он.

Даша почувствовала и страх, и смущение, и гордость: он может лишиться всего и всё-таки был с ней, обнимал и целовал её! Она удостоилась внимания демона и пока оставалась в живых.

Дашу жгло желание отдаться ему – и будь что будет! Данталион нежно и властно развёл её бедра, она потеряла страх и подалась к нему всем телом, он поймал её желание и встретил её. Вселенные соединились, и все молекулы Дашиного тела, а она вдруг почувствовала каждую, напряглись, как под разрядом тока, и медленно пришли в движение, дружно поднялись, завибрировали, что ли, и она подумала, что не так уж жалко отдать её ничтожную жизнь в уплату за такое наслаждение. И ещё подумала, что счастлива, она чуть не заплакала от благодарности, ещё она подумала, что надо успеть потратить всю себя, пока не пришёл его отец, Г. Б., и она уже не сможет при нём обнимать его любимого сына. Что он любимый, она не сомневалась, потому что только любимого сына ты будешь стеречь так строго, как Бог охранял Данталиона, и то сын всегда найдёт, как вырваться из тесных оков отцовской любви, как тогда, когда Данталион влюбился в первый раз и отец наказал его. А может, он не его сын, такое не приходило в светлую голову Г. Б? Если посмотреть на левую голову Данталиона, то сходство просто поразительное, мелькнуло у Даши в голове, надо написать Богу в следующий раз такой сон и обратить внимание Бога на сходство Данталиона с рогатым и черноглазым его извечным врагом. Ход Дашиных мыслей прервала мёртвая тишина, как будто выключили жизнь. А потом на неё упал такой гул, что Даша испугалась, что лопнут барабанные перепонки. И наступил конец света персонально для неё.

В раю и так было не слишком светло, а стало вообще темно, хоть глаз выколи. Поднялся такой сильный ветер, что Даше не надо было дышать, холодный воздух сам находил и распирали её лёгкие, ещё немного – и он разорвёт их. Деревья сгибались до земли.

– Данталион, это ты заставил их сгибаться? – прошептала Даша с трудом. Данталион не ответил. Пошёл снег, он нёсся параллельно небесной тверди плотным потоком. От него пахло пеплом. Даша упала на колени и, чтобы удержаться, вцепилась изо всех сил в короткую траву, которая обрывалась под её пальцами. Снегу намело много, и ветер пересыпал дюны из чёрного снега по чёрной траве. Ветер бросал Даше в лицо крупные снежные хлопья. Чёрные листья с её любимых дубов залепили глаза и рот. Она ничего не видела и не могла дышать. Она перестала сопротивляться, когда из под ног ушла небесная твердь и она потеряла Данталиона. Дашу закружило, и она, слепая и почти оглохшая, падает всё быстрее в жерло воронки, летит по спирали вниз, безвозвратно удаляясь от Данталиона.

– Помилуй мя, Господи, – пронеслось в её голове под занавес, – да наплевать! – вдруг подумала она.

– Уволена! – услышала Даша сквозь свист ветра и шуршание чёрных листьев.

Даша проснулась в своей кровати. Она всегда просыпалась свежая, готовая сражаться, но не сегодня, так плохо ей не было ни разу в жизни. Она чувствовала себя так, словно провела всю ночь в стиральной машине, куда её запихнули с кучей грязного белья, выстирали и отжали, но забыли добавить стиральный порошок. Все косточки ломило, они не могли найти себе места, кожа была сверхчувствительна, дотронуться было невозможно, грипп, что ли, начинается, расстроилась она. Она посмотрела в зеркало, и правда, как из-под молотилки: на лбу синяк, кисти и локти, бедра и колени, плечи, покрыты ссадинами, волосы выглядят так, словно их начесали двадцать лет назад в советской парикмахерской, шутки ради доверив её голову выпускнице ПТУ, и Даша после этого не расчёсывала и не мыла их, потому что, увидев себя после этого в зеркале, так испугалась, что больше в это зеркало не смотрела. Как будто.

Даша решила действовать спокойно и не пытаться исправить всё сразу. Она приняла горячий-прегорячий душ, вымыла голову и, причитая: «Бедные мои волосики», – замотала их в мягкое полотенце, не найдя свой халат, завернулась в полотенце, пошла, едва переставляя ноги, на кухню и выпила большую кружку горячего какао, это был уже сигнал, какао она пила только тогда, когда ей действительно было так плохо, что хоть вешайся.

Раздался звонок, она побежала к телефону, на ходу теряя тапочки и уронив закрученное вокруг груди полотенце.

– Слушаю, – сказала голая Даша с чалмой из полотенца на голове.

На том конце провода неожиданно раздался голос её директрисы. Та строго спросила, почему вот уже две недели Даши нет на рабочем месте в издательстве и как она объяснит своё отсутствие.

Даша очень, это мягко сказано, очень-очень сильно удивилась, она прекрасно помнила, что вчера была на работе и даже на два часа задержалась, чтобы доделать отчёт. Она решила не спорить с начальством, себе дороже, да и как она могла бы доказать, что была вчера на работе, потому что как раз сама директриса вчера отсутствовала, так как взяла отпуск именно на две недели (совпадение!), чтобы отправиться в Иорданию. Даша решила проявить лояльность и спросила у директрисы, как та долетела и почему она звонит Даше оттуда, неужели это так важно. На что та сказала, что только сегодня утром вернулась из поездки и все две недели провела изумительно, созерцая древнюю страну и её достопримечательности, пока Даша отсутствовала на своём рабочем месте, подчеркнула директриса. Даша ничего не понимала. У неё прошёл один день, точнее – одна ночь, а у директрисы – две недели! Даша сказала, что сейчас же приедет, именно сей час, потому что до работы ей было добираться 55 минут.

Она оделась, как при пожаре: быстро и не выбирая во что. Накрасила только ресницы и губы, взяла сумочку, запнулась о чёрный мужской зонтик-трость, почему-то вонзённый острием прямо в паркетный пол прихожей, из корзины для зонтов свешивался чёрный мужской галстук с оранжевым зигзагом по всей длине. Даше показалось, что галстук попытался напасть на неё, она отшвырнула его ногой, недоумевая, что мужские вещи делают в её квартире, захлопнула дверь и понеслась на работу.

Там её ждал сюрприз. В кабинете, где раньше она сидела в гордом одиночестве, поставили ещё один стол. За ним она увидела очень молодого, для сорокавосемилетней Даши двадцать четыре – это очень мало, человека. Он смутился, встал и, наклонив голову, поцеловал ей руку.

– Поступаю в полное ваше распоряжение, – сказал он приятным низким голосом.

– Сначала давайте познакомимся! Я Даша.

– А по батюшке? – спросил он, задержав её кисть в крупных гладких руках.

– Ильинична. А тебя? – перешла на «ты» Даша.

– Даниил Богданович Яхве, – отклонялся он.

Еврей, подумала она.

– Вот и славненько, располагайтесь, располагайся, Данила, – ласково сказала Даша.

Даша села за свой стол, разложила бумаги и коротко глянула на Данилу, их взгляды встретились, она прочитала в его глазах: где я её видел, и поймала себя на том, что задаёт себе тот же вопрос.

Декабрь 2013 г. – январь 2014 г.

Юлия Романова



Родилась 29 января 1984 года в городе Андропове Ярославской области, сейчас он называется Рыбинск. Семья простая: мама – парикмахер, отец всю жизнь работал в кузнице, однако творческая жилка присутствовала и в них – мама в молодости писала стихи, а папа со своим братом в юные годы сочиняли и пели песни под гитару. Сейчас родной брат, отец Сергей Романов, священник, является автором множества стихов и исполнителем собственных бардовских песен, победителем всероссийских фестивалей авторской песни. Сама я свое первое стихотворение написала в 6 лет, так и началась творческая жизнь – стихи, короткие рассказы. В школе сочиняла и ставила сценки, писала сценарии к школьным праздникам, печаталась в местных газетах, какое-то время вела в Рыбинской газете молодежную страничку. Стихи писала примерно до 20–22 лет, а потом резко увлеклась рассказами и в период с 2006 по 2011 год написала примерно 10–12 штук. В тот же период стала принимать участие во всевозможных конкурсах, в итоге получила несколько первых и вторых мест в номинациях «рассказ», «цикл рассказов», «проза» на городских, областных и региональных конкурсах, а так же первое место в номинации «стихи» на областном конкурсе среди сотрудников МВД и членов их семей и диплом аналогичного всероссийского конкурса. Из написанных мною рассказов три (жанр фантастика) прошли отбор и были изданы в Москве в сборнике «Молодой талантливый автор» Интернационального Союза писателей, остальные оказались, что называется, в столе. Сейчас пришло решение опубликовать цикл рассказов о любви, написанных мною в юные годы, их и все остальные мои рассказы я называю «рассказами юности моей»... В настоящее время моей творческой мечтой является написание романа о трагической любви. Замужем. Муж, как и я, сотрудник МВД, у нас двое сыновей. В настоящее время нахожусь в отпуске по уходу за детьми. А так я старший следователь, майор юстиции. Мечта детства была работать в милиции, и она осуществилась.

«Цветы для Алисы»

1

Это было самое обычное утро, и я шла на троллейбусную остановку за час до начала трудового дня. Комплекс опоздать образовался еще в детстве, что этому способствовало – мне не известно, да я об этом особо и не задумывалась. Задумывалась я в последнее время о другом, а именно о неумении мужчины сделать женщину по-настоящему счастливой. «Ведь они тупят на каждом шагу, – размышляла я, – делают вещи, которые могут обидеть; кто-то недостаточно внимателен, кто-то слишком раздражителен, кто-то тиран, кто-то скряга. Неужели нет человека, который будет делать все возможное для счастья своей девушки, чтобы она чувствовала себя богиней, а не какой-нибудь кухаркой, неудачницей или матерью Терезой, вытаскивающей своего мужчину из очередной неприятности».

Я часто и внимательно наблюдала за различными женщинами, изучая их судьбы, и пришла к выводу, что все они несчастны в своей любви. В лучшем случае они получают цветы строго по праздникам, а в худшем – подзатыльники каждый день. Ни тот, ни другой вариант не мог называться счастливой судьбой.

С такими мыслями я остановилась в метре от остановки и заметила плачущую девушку с мокрым от слез лицом. Она усердно терла глаза, словно пыталась вообще стереть их со своего лица. Кудрявые темные волосы ее трогательно лежали на худых плечах. Сама по себе она была вся миниатюрная, как дюймовочка, и синее платьице ее с белым пояском смотрелось почти кукольным, детским. И волосы ее, и глаза, и маленький нос, и телосложение, и платье – все было таким милым-милым, скромным-скромным, что ее хотелось пожалеть. Неужели и ее обидела очередная скотина из племени мужчин, не видящих своего счастья? Сам облик этой девушки не позволял думать о том, что причиной ссоры стала она сама, разве только ее наивность, кою был пронизан весь ее образ, помешала ей разглядеть в ком-то будущего обидчика.

На остановке никого, кроме нас с нею, не было, и именно в этот момент я решила на эксперимент, который вынашивала в себе столько времени и не знала, реально ли его осуществить. Природа наградила меня мальчишеской фигурой, в чертах лица не угадывалась принадлежность к женскому полу, да и одета я была, на удачу, в черный спортивный костюм и кроссовки, которые гармонично дополняла короткая стрижка.

Я никогда не любила женщин в том смысле, чтобы что-то хотеть от них, кроме дружеского расположения, но я всегда искренне жалела недооцененных женщин, как впрочем, и мужчин, которые у меня, конечно, были, но с ними не нужно было проводить особого эксперимента, чтобы понять составляющие их счастья. Женщины же – натуры более сложные и многогранные и потому интересные. И, если воспринимать женщину такой, какой она изначально задумана природой, то, конечно, женщина – это прекрасная половина человечества.

2

Мне не пришлось даже ничего придумывать, так как девушка почему-то сразу приняла меня за мужчину, потому что, вытерев слезы, она улыбнулась мне и спросила тихим голосом: «Ты не видел по дороге какой-нибудь сумки на земле?» Я сначала немного растерялась, и мне даже стало не по себе – я все-таки чувствовала себя женщиной. Но потом я осознала, что для эксперимента необходимо идти на какие-то жертвы, ведь я сама добровольно реши-

лась на это. «Нет, не видел, – произнесла я своим обычным грубоватым голосом, похожим на ломающийся мальчишеский голос в 15 лет, – а что-то случилось?» «Случилось», – сказала девушка и с надеждой посмотрела на меня. Было видно, что она ожидает моего живого участия в ее судьбе и хочет поделиться своей проблемой.

Я присела рядом и, набрав на своем сотовом номер напарницы, сказала в трубку: «Ленчик, я задержусь, ладно? Проблемы есть, отзвонюсь», после чего отключила телефон, пояснив моей печальной спутнице, что делаю это для того, чтобы никто не смог беспокоить меня, пока я решаю ее проблему.

Девушка смущенно улыбнулась и чуть укорила меня за излишнее беспокойство, хотя я видела, как этот поступок сразу расположил ее ко мне. Я кивком предложила девушке подняться со скамьи и отойти от остановки в ближайший парк, где мы уселись под двумя огромными развесистыми деревьями, и я посмотрела ей в глаза: «Рассказывай».

Она, смущаясь и краснея, рассказала мне о том, что у нее никогда не было настоящих друзей, а тем более молодого человека. Мать не выпускала ее из дома, пытаясь отгородить от любого влияния улицы. После школы она тут же шла домой, где проводила остаток вечера в кругу своей матери и телевизора. Так продолжалось и когда она поступила в институт. Вчера, сдав свой первый экзамен, она вместе со своими одноклассниками решила, минуя дом, сходить в бар и отметить радостное событие, потому что подготовка к экзамену заняла много времени и требовала компенсации. Успех на экзамене стал настоящим праздником. В баре одноклассники постепенно отделились от нее в другие компании постоянных обитателей бара. Она же, будучи в подобном заведении первый раз, осталась одна и привлекла к себе внимание какого-то парня, который любезно угостил ее пивом. С учетом того, что организм ее не привык к алкоголю, она быстро опьянела и уже не помнит, как оказалась в чужой квартире, где ей еще пришлось выпивать немало спиртного, где была шумная незнакомая компания и громко играла музыка. Утром, когда она сообщила новым «приятелям», что собирается уходить домой, тот парень, что привел ее из бара, как-то неадекватно повел себя. Он пытался затащить ее в комнату, возмущался и кричал, что она должна расплатиться за то, что пила и ела «на халяву», после чего она чудом вырвалась от него, оставив в его квартире свою курточку, и побежала домой. Он выбежал за ней следом, ударил ее рукой в грудь, отчего она упала и разбила себе колено. И я в это время действительно отметила про себя, что на ее левом колене, стыдливо прикрытом краешком синего платица, имеется ссадина и запекшаяся кровь. После этого, со слов девушки, она стала убегать от него, но он схватил ее сумку и начал угрожать тем, что избьет ее, если она сейчас же не вернется обратно на его вечеринку. В растерянности она отпустила ручки сумки, и сумка осталась у него в руках, а она сама бросилась бежать. Вдогонку она выслушивала нецензурную брань, но за ней он больше не побежал, так как мимо шел случайный прохожий престарелого возраста. Она же добралась до ближайшей остановки и уже как час сидела на ней, пока не подошла я.

Выслушав историю, я предложила девушке обратиться в милицию, на что она снова заплакала (так быстро слезы подступали к ее глазам) и призналась, что опасается мести со стороны того парня в случае подачи ею заявления. Я же не стала пытаться ее разубедить в этом, а лишь сказала ей, чтобы она успокоилась, и сама вытерла ей слезы салфеткой, которую достала из своего рюкзака. Девушка удивленно посмотрела на меня и на салфетку, и я решила, что, наверное, для мужчины несвойственно иметь с собой подобные средства личной гигиены. Но, видимо, ей сейчас было не до этого, и она быстро забыла про салфетку, после чего я предложила проводить ее, чтобы самой ехать на работу. Перед этим мы вместе прошли весь путь, проделанный ею до остановки, и безуспешно искали сумку.

Жила девушка достаточно далеко от моего района, и сначала я отправила домой ее, проводив до подъезда, а потом поехала на работу.

Расставаясь, мы не обменивались номерами. Ей, видимо, было не до этого, а я побоялась показаться назойливой и торопить события, ведь я решила быть «идеальным мужчиной».

«Как зовут-то тебя?» – спросила я у нее, когда она заходила в свой подъезд, держась за разбитую коленку и прихрамывая.

«Алиса, – ответила она и улыбнулась, – спасибо за помощь».

3

Рабочий день оказался тяжелым. Весь день я думала о том, как можно помочь Алисе найти преступника. Все осложнялось тем, что Алиса боялась идти в милицию, а я не хотела заставлять ее делать это. Работа на телевидении обязывала меня иметь различные знакомства, в том числе и среди правоохранительных органов, поэтому уже вечером я общалась со своим знакомым участковым, проживающим в нашем районе. Он пояснил мне, что, если Алиса укажет квартиру или хотя бы дом, в котором она была ночью, то он сможет нам помочь. Теперь я должна была найти Алису, и поэтому вечером около 8 часов я терпеливо стояла у ее подъезда, дожидаясь, когда она появится на улице. Мне повезло. Алиса случайно выглянула в окно, и печально поведала мне, что строго наказана матерью за отсутствие дома в течение целых суток. Я не могла разговаривать с нею через окно про готовность участкового помочь ее горю, поэтому решила спросить у нее номер телефона, пообещав прислать по смс важную для нее информацию. Она продиктовала мне номер по пальцам, поочередно показывая числа от 0 до 9, и я, записав номер к себе в сотовый телефон, пошла домой, пожелав Алисе спокойной ночи. Придя домой, я набрала на телефоне текст, содержащий вопрос, когда мы можем встретиться в ближайшее время, так как у меня есть к ней разговор.

Алиса ответила не сразу, и я уже подумала, что навязываюсь ей, что она не хочет со мной общаться и может все мои старания зря, но через некоторое время я увидела в своем телефоне «конвертик». Сообщение гласило: «Я немного приболела, но смогу завтра на 15 минут выйти из дома в 18:00». Я в свою очередь заверила ее, что обязательно приду, и тут же созвонилась по телефону с участковым. Он тоже пообещал приехать к дому Алисы и помочь нам.

В 18 часов следующего дня мы с лейтенантом сидели на скамье возле дома Алисы и, когда она вышла, я заметила ее болезненный вид. Алиса, увидев человека в форме, сначала остановилась, как бы растерявшись, а потом предложила нам отойти за дом, чтобы ее мать не увидела нас из окна. За домом мы обсудили все детали произошедшего; Алиса просто и обстоятельно изложила все события, ничего не умаляя, но и не преувеличивая. При этом она делала акценты на различных мелочах, вплоть до того, какие предметы мебели стояли в квартире того парня. Участковый по описанию сразу понял, о каком именно доме идет речь, поэтому нам не пришлось никуда ехать. После 10 минут разговора мы уломали Алису написать заявление, после чего она старательно вывела ровными круглыми буквами все, что продиктовал ей лейтенант, подложив под листок его кожаную папку. Потом он взял с Алисы объяснение и удалился, а я проводила Алису до подъезда и пообещала сообщить о любой новости.

При этом я попросила ее не переживать, ничего не бояться и выздоравливать.

Уходя, мы ни о чем не договаривались, но я шла домой в радостном расположении духа, зная, что участковый поможет нам найти преступника и привлечь его по всей строгости закона.

На следующий день после работы я зашла в магазин и, купив кучу всевозможных фруктов, поехала к Алисе. Стоя под ее окном, расположенном на третьем этаже, я отправила ей эсэмэску: «Алиса, чтобы вылечиться, надо кушать фрукты. Выгляни в окно!» Через

минуту Алиса удивленно смотрела на меня через двойное стекло, и я показывала ей пакет с фруктами. Через две минуты она уже держала его в руках и краснела от смущения.

«Зачем ты это все делаешь? – спрашивала она, – ведь это время, деньги...»

Я лишь улыбалась и желала ей скорейшего выздоровления. Мы общались не более трех минут, потому что ее мама выглянула в окно, и выражение ее лица говорило о том, что Алисе пора домой.

Когда она ушла, я достала баллончик, который лежал у меня дома с тех времен, когда мы с друзьями разрисовывали бетонные стены в своем дворе, и написала на асфальте прямо под окнами: «Алиса, не грусти!»

Удостоверившись, что никто за данным актом не наблюдает, кроме маленькой сморщенной старухи у соседнего подъезда, я убрала баллончик в карман и пошла домой.

4

Участковый позвонил мне сам через четыре дня и сообщил, что необходимо явиться на опознание сумки к нему на опорный пункт. Я с тех пор, как принесла фрукты Алисе, не созванивалась с ней ни разу и не видела ее, потому что размышляла, как нужно вести себя с этой милой, но безумно странной и безобидной девушкой, находящейся под полным влиянием своей матери. Я боялась «нарваться» на разговор с ее мамой, так как мне казалось, что она может раскусить, что я девушка, а не парень, и тогда мой эксперимент рухнет на корню. Алиса же называла меня Женей, это было мое настоящее имя, поэтому в данном смысле врать не пришлось. Я не замечала, чтобы Алиса усомнилась в моей принадлежности мужскому полу. Мне вообще казалось, что она боится поднять на меня глаза и все время чего-то стесняется, словно у нее есть комплекс неполноценности из-за отсутствия в ее жизни друзей и свободы. Она была красива, и я искренне не понимала, как такая девушка могла оставаться одна. В ней еще жила какая-то детскость, наивность, но в ее голосе, взгляде чувствовалось что-то неуловимо женственное, подлинное.

Алиса была в светло-коричневом платье до колен в мелкий белый рисунок, когда я встретила ее у подъезда, чтобы ехать в опорный пункт милиции. Волосы ее были перевязаны бежевой ленточкой и убраны назад. Она шла к остановке чуть впереди меня, и я не могла оторвать взгляда от ее милой прически. Мне показалось, что она могла бы стать героиней какого-нибудь романа Ивана Сергеевича Тургенева, воспевавшего русских женщин в своих творениях. Я шла за ней и понимала, насколько она беспомощна на самом деле и не адаптирована к жизни, в которой вокруг нее, как я уже успела заметить, все время скапливались какие-то неприятности. Я даже ощутила себя небывало сильным человеком, способным защитить более слабого, и это придавало мне силы.

В милиции мы были уже через полчаса, и Алиса прослезилась, увидев свою сумку. Так трогательно она реагировала на все, происходящее вокруг нее. При этом я даже почувствовала себя немного неловко, а участковый только пожал плечами, глядя на меня.

Сумку мы не забирали потому, что надо было соблюсти ряд формальностей и потом забрать ее у следователя под расписку. Но Алиса не возражала, она была какой-то покорной, тихой и только благодарила участкового, который обрадовал нас тем, что человек установлен и пишет явку с повинной. «А может, отпустить его, – вдруг обеспокоилась Алиса, – зачем ему жизнь портить? Из-за какой-то сумки...»

«Он сам себе жизнь портит», – убедительно сказал участковый, и мы распрощались с ним, пообещав, что будем на связи. Я боялась длительное время находиться с Алисой среди знакомых мне людей, опасаясь, что они смогут выдать меня, и Алиса все узнает.

После того, как мы вышли из опорного пункта, я позвала Алису в летнее кафе, в котором ранее никогда сама не была. Знакомые мне кафе пугали меня возможностью, опять-таки, встретить кого-либо.

Мы уселись за самый дальний столик. Я позволила Алисе самой выбрать место, где мы сядем с мороженым и коктейлем, которые, как мне стало известно, Алиса безумно любила. Я заказала нам по две порции того и другого. За коктейлем Алиса рассказала мне, что последние несколько дней она ощущает комфорт и радость, а также чувствует себя защищенной и очень благодарна мне за это.

Когда мы вышли из кафе и направлялись к ее дому, я купила ей у проходящего мимо торговца связку огромных воздушных шаров, и заметила, как засветились неподдельной радостью ее большие серые глаза. Всю дорогу она восторженно смотрела на 10 разноцветных шаров, называя каждый из них разными именами, чем привела меня в умиление. Мне всегда нравились непосредственные, бесхитростные, простые люди, выражающие свои эмоции, а Алисе никогда никто не дарил воздушных шаров, и поэтому мы угодили друг другу.

Мы гуляли дотемна, и Алисе несколько раз звонила на телефон мама. Алиса смущенно отвечала в трубку, что гуляет «с Женей», после чего мама отключалась; видимо мое имя для нее уже что-то означало. Около 12 часов ночи я доставила Алису до дома, и она вошла в подъезд с охапкой шаров, весело предполагая, что ей на это скажет ее мама. Я же отправилась к себе домой на такси, так как транспорт уже не ходил. До утра я делала работу, которую взяла на дом, потому что ничего не успевала. Утром, сидя на рабочем месте, я получила смс-сообщение от Алисы и была очень удивлена. «Привет, – гласило оно, – как вчера добрался?» «Хорошо» – ответила я и улыбнулась сама себе. Мне все еще непривычно было обращение ко мне в мужском роде, ведь при встречах Алиса мало обращалась ко мне и почти не задавала вопросов. Мы в основном молчали, но я не чувствовала от этого какого-либо напряжения, что называют «неловкой паузой».

После моей эсэмэски о том, что «добрался» я хорошо, Алиса более ничего не написала.

В этот день я получила долгожданную зарплату и заказала в службе услуг большой букет лилий, заметив симпатию Алисы к этим цветам, когда мы проходили мимо цветочного магазина. Она тогда не сказала ни слова и не сделала ни намека, но по ее взгляду я определила, как ей хочется таких цветов для себя. Цветы даже чем-то напоминали ее саму, нежную, трогательную и скромную.

Букет был направлен вечерним курьером, и я нервно прикидывала, понравится ли Алисе мой подарок. В семь вечера пришла эсэмэска со словами: «Не знаю, что и сказать. Я плакала целый час». «Что-то случилось?» – я тут же позвонила Алисе на телефон, опасаясь, что она могла встретить на улице того самого парня, который сделал ей больно. «Да все хорошо, – успокоила меня Алиса, – просто мне никто никогда не дарил цветов, а лилии – они мои любимые». «А как насчет того, что в лилиях?» – спросила я, памятуя о прикрепленной к стеблю записке. «А что там? – голос абонента на несколько секунд исчез из эфира, а потом послышался снова: – Ух ты! Я приду».

5

Я долго стояла перед шкафом своего двоюродного брата и выбирала, в чем могу пойти в ресторан с Алисой. Брат подкалывал меня, задавал всевозможные вопросы, а я врала, что одежда мне необходима для одного бедного мальчика, о котором мы делали на днях репортаж, и что мальчик имеет такой же размер одежды, что и я. Наконец мой выбор остановился на светлых брюках в стиле унисекс и безрукавой рубашке в обтяжку. Мне понравился

мой облик, так как он не характеризовал меня как какого-то «мужлана», аставлял вполне солидным молодым человеком.

Я и сама не понимала, правильно ли я поступаю, создавая все это. Я не хотела быть женщиной, но я очень хотела, чтобы несчастная Алиса наконец почувствовала себя счастливой, хотя бы не надолго, ведь она заслуживала того, и я искренне желала видеть ее такой же радостной, какой она шла тогда по городу с шарами, всегда.

Мы договорились, что я не стану заходить за ней, а мы встретимся в центре города на пристани. Алиса не знала, что я задумала для нее, и когда она появилась, то спросила, какое мы сегодня будем есть мороженое.

Она была в фисташковом сарафане, смотрящемся как вечерний наряд, словно чувствовала, что нам предстоит не простой вечер. Волосы ее были распущены и нежно лежали на плечах закрученными локонами. Увидев ее такой красивой, я еще раз подумала о бестолковости мужчин, не замечавших до сих пор этой девушки. Она была в трогательных туфельках с переливающимися разноцветными камушками. Туфли были отлично подобраны к платью, и я пожалела, что не имею таланта с таким вкусом комбинировать предметы своей одежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.